

Елена Арсеньева

Друг народа... Да? (Жан-Поль Марат, Франция)



*Часть сборника
Преступления страсти. Жажда
власти (сборник)*



Преступления страсти. Жажда власти

Елена Арсеньева

**Друг народа... Да? (Жан-
Поль Марат, Франция)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Друг народа... Да? (Жан-Поль Марат, Франция) /

Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Преступления страсти. Жажда власти)

ISBN 978-5-699-28825-0

«Странные дела творились в прекрасной Франции на исходе XVIII века! Галантные, жизнелюбивые, задорные, дерзкие, симпатичные всему миру французы внезапно преобразились. Чудилось, их опоили не бургундским или анжуйским вином, а каким-то отравленным пойлом, враз помутившим головы у всех, от герцогов королевской фамилии до последнего ремесленника. Всем вдруг осточертели старый добрый король и старая добрая Франция. Захотелось опрокинуть трон последнего Бурбона, самому ему отсечь голову с помощью старухи Луизы Гильотен...»

ISBN 978-5-699-28825-0

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Елена Арсеньева

Друг народа... Да? (Жан-Поль Марат, Франция)

Странные дела творились в прекрасной Франции на исходе XVIII века! Галантные, жизненнолюбивые, задорные, дерзкие, симпатичные всему миру французы внезапно преобразились. Чудилось, их опоили не бургундским или анжуйским вином, а каким-то отравленным пойлом, враз помутившим головы у всех, от герцогов королевской фамилии до последнего ремесленника. Всем вдруг осточертели старый добрый король и старая добрая Франция. Захотелось опрокинуть трон последнего Бурбона, самому ему отсечь голову с помощью старухи Луизы Гильотен¹, а вместо благочестивой девицы Марианны² сделать символом бель Франс какую-нибудь разнузданную «гражданку» вроде сексуально озабоченной Теруань де Мерикур. Озлобленный народ возжаждал крови аристократов, возжаждал все перевернуть с ног на голову, возжаждал республики, братства, равенства, свободы.

Однако самое смешное, что французские крестьяне, ремесленники и торговцы, которые 14 июля 1789 года по кирпичику разобрали Бастилию (в ужасной «тюрьме народов» в ту пору находилось всего несколько узников по обвинению в преступлениях, не имеющих отношения к политике), слыхом не слыхали о *fraternitii*, *igalii*, *libertii* до тех пор, пока им о них не рассказали «умные люди» и не внушили, что жить без братства, равенства и свободы какому-нибудь пастуху Жанно или булочнику Мишелю ну просто никак невозможно. Разумеется, Жанно или Мишелю, а также их женушкам Мари или Сюзон было невдомек, что «умные люди» меньше всего пекутся о благе их семейств, да и на *igalii* etc. им совершенно наплевать. Люди эти жаждали ниспровержения основ лишь потому, что в результате такого ниспровержения революционная волна выносит на поверхность ужасный мусор, который прежде и помыслить не мог о славе и власти, зато, вознесшись на гребне этой самой безумной волны, добивается того и другого... пусть даже за счет самых кровавых деяний. История Жан-Поля Марата, «друга народа», – ярчайший тому пример.

Марк Алданов, русский писатель, который бежал от Октябрьской революции из России в Париж и о движущих силах подобных переворотов знал не понаслышке, обмолвился как-то, что «для людей, подобных „другу народа“, революция – это миллионный выигрыш в лотерее, иногда, как в анекдоте, и без выигрышного билета». В самом деле, Марат был прежде человеком очень обыкновенным. Занимался физикой, химией и физиологией. Насчет физиологии известно, что у него была связь с некоей маркизой (ведь Марат был врачом свиты графа д'Артуа... заметьте, не самого графа, а его лакеев, камердинеров и т. п., которых он лечил... от венерических заболеваний и имел возможность общаться с сильными мира сего). Это была маркиза де Лобеспин. Ну, захотелось барыньке вонючей говядинки, бывает... Гнильца в те времена была очень в моде!

Сила Марата как ученого состояла в ниспровержении авторитетов. Любых и всяких. Его статьи, проникнутые тем же истеричным, кровожадным духом, которым позднее будет проникнута и публицистика, были посвящены в основном ниспровержению основ: Марат презирал Вольтера, высмеивал Ньютона и называл шарлатаном Лавуазье.

Вольтер попал в список не случайно: Марат был также и писателем. Читавшие его роман из польско-русской жизни уверяют, что он невыносим. Главными героями опуса являются польские графы поразительно благородного образа мыслей и аристократические девицы с

¹ Врач Луи Гильотен изобрел гильотину – орудие казни. (Прим. автора.)

² Красавица во фригийском колпаке – символ Франции. (Прим. автора.)

необычайно чувствительной душой («друг народа» до революции был монархистом). Вольтер имел неосторожность написать на сию книгу весьма ядовитую и остроумную рецензию. Его счастье, что умер он еще в 1778 году и не успел изведать мести Марата, которая, несомненно, обрушилась бы на него в ту пору, когда у «друга народа» оказались развязаны руки.

Великий химик Лавуазье был ненавидим Маратом именно за то, что упорно не обращал внимания ни на его работы, ни на его нападки. Ну а Ньютон, которого ниспровергатель в глаза никогда не видел, поскольку умер задолго до его рождения, досаждал Марату своей мировой славой. Величайшую несправедливость видел Марат в славе, принадлежащей кому-то другому, а не ему. И во власти, принадлежащей не ему...

Он жаждал быть если не властелином мира, то властителем умов и всячески себя, выражаясь нынешним языком, пиарил: ну, например, сам писал рецензии на собственные работы и печатал их в журнале своего приятеля Бриссо. Алданов по данному поводу иронизирует: «Марат писал о Марате в самых лестных выражениях, горячо, по разным поводам, пожимая себе руку. Много позднее, уже в пору Революции, у „друга народа“ была какая-то вполне бескровная перебранка на Новом мосту с отрядом королевских войск. Об этом событии немедленно было послано сообщение Бриссо: „Грозный облик Марата заставил побледнеть гусаров и драгунов, как его научный гений в свое время заставлял бледнеть Академию“, – скромно писал „друг народа“. Бриссо, как все редакторы, достаточно натерпелся на своем веку от авторского тщеславия, давно ко всему привык и, должно быть, считал большинство литераторов людьми не вполне нормальными. Однако он твердо знал и меру. Поэтому, весьма лестно отозвавшись о подвиге Марата на Новом мосту, он все же выпустил приведенную выше фразу. Я не говорю, конечно, что именно это обстоятельство было причиной гибели жирондистов и казни самого Бриссо (событие 31 мая 1793 г., как известно, было делом Марата). Но кто знает?...»

Однако не будем забегать вперед.

При всех своих недостатках: маниакальной жажде власти, отталкивающей внешности, да вдобавок еще и экземе, покрывавшей тело и ужасно отравлявшей Марату жизнь, он был очень трудолюбив, энциклопедически начитан, энергичен и абсолютно бескорыстен. Деньги его вообще не интересовали, материальной выгоды он ни в чем не искал – только славы! И при этом он умудрялся быть абсолютно невыносимым, у него не было друзей, потому что его все терпеть не могли. Но множество людей может «похвастать» тем же, и ничего, живут как-то и даже счастливы местами...

Кто знает, если бы Марат так и остался несостоявшимся журналистом и несостоявшимся ученым с не в меру разбухшими амбициями, он, может, тоже нашел бы свое счастье. Ведь он вполне мог встретить собственную Симону Эврар в мирной, так сказать, жизни, и она так же любила бы его, как любила, фигурально выражаясь, «на баррикадах». Но...

Правление Людовика XVI вполне можно назвать несчастливим как для него, так и вообще для Франции. Инфляция, рост доходов аристократии, обнищание народа... Одним словом, типичные причины революции: низы не хотят, верхи не могут. Кстати, верхи тоже не хотели – ну никак не хотели относиться с уважением к человеку, которого считали слабосильным недоумком, женатым на шлюхе. Однако народ, хоть и голодал, все еще продолжал поклоняться своему *Von Roi*, доброму королю. И если бы еще не приложила ко всему руку «красная революционная печать», среди которой особенно красной и революционной являлась газета «*Ami du Peuple*», неизвестно, как повернулось бы дело. Может, и кошмарной революции не было бы.

«*Ami du Peuple*» в переводе с французского – «Друг народа». Эту газету издавал Марат, он же был ее редактором и ведущим (единственным) пером. Кстати, очень забавно, что по-французски слово *peuple* («народ») женского рода. Собственно, толпа. Вот для толпы Марат и писал, вот для толпы он и стал кумиром и вдохновителем, и даже Камилл Демулен, даже Шодерло де Лакло, принадлежавшие к тем же неистовым писакам, которые с каким-то пьяня-

щим чувством вседозволенности старались ввергнуть страну в кровь и огонь, были по сравнению с ним просто мальчиками из церковного хора.

В жестокости, убийствах увидел Марат средство достигнуть власти над народным умом. В своей газете с упорством маньяка как раз и требовал кровопролития – убивать аристократов! Вот что он писал в июне 1790 года: «Еще год назад пять или шесть сотен отрубленных голов сделали бы вас свободными и счастливыми. Сегодня придется обезглавить десять тысяч человек. Через несколько месяцев вы, может быть, прикончите сто тысяч человек: вы совершите чудо – ведь в вашей душе не будет мира до тех пор, пока вы не убьете последнего ублюдка врагов Родины...»

Раздирая ногтями все тело (экзема вынуждала его сидеть в ванне с теплой водой и так работать), он лихорадочно выдавал на-гора смертельно опасные строки: «Перестаньте терять время, изобретая средства защиты. У вас осталось всего одно средство, о котором я вам много раз уже говорил: всеобщее восстание и народные казни. Нельзя колебаться ни секунды, даже если придется отрубить сто тысяч голов. Вешайте, вешайте, мои дорогие друзья, это единственное средство победить ваших коварных врагов. Если бы они были сильнее, то без всякой жалости перерезали бы вам горло, колите же их кинжалами без сострадания!»

Члены Национального собрания, которые ратовали за бескровную смену власти, в конце концов устали от его истерики. Все они были люди умные и прекрасно понимали те психологические пружины, которые были «сокрытый движитель» Марата: мелкий литератор, неудачный физик, опытный врач-венеролог получил возможность выставить свою кандидатуру в спасители Франции. У Мирабо, Лафайета, Кондорсе, Бриссо были выигранные билеты; все они годами ставили именно на эту лотерею, были профессиональными политиками. Марат, как очень многие другие, выиграл без билета: кто до революции знал, что он «друг народа»? Теперь можно было это доказать, что было и не очень трудно.

Он избрал верный путь, частью сознательно (человек он был весьма неглупый), частью следуя своей природе, которая быстро развивалась. Марат «творил новую жизнь», но и новая жизнь творила Марата. Его природная завистливость нашла выход в травле всех и вся, мания величия осложнилась манией преследования, а болезненная нервность стала переходить в сумасшествие – сначала медленно, потом все быстрее.

Члены Национального собрания были раздражены тем, что за их счет какой-то Марат желает залить Францию кровью. В тот день, когда Марат написал в своей газете: «К оружию, граждане!.. И пусть ваш первый удар падет на голову бесчестного генерала (имелся в виду всего-навсего Лафайет, герой освободительной войны в Америке!), уничтожьте продажных членов Национального собрания во главе с подлым Рикетти (имелся в виду всего-навсего знаменитый адвокат Мирабо, главный идеолог революции, некто вроде французского Плеханова), отрезайте мизинцы у всех бывших дворян, сворачивайте шею всем попам. Если вы останетесь глухи к моим призывам, горе вам!» – нормальным людям стало ясно, что Марат просто спятил.

Мирабо и, конечно, Лафайет пришли в ярость. Генерал тут же послал триста человек в типографию «Друга народа». Там все перевернули вверх дном, а тираж газеты конфисковали. Искали Марата, чтобы арестовать «за нарушение общественного порядка», однако не нашли: он успел спрятаться в каком-то погребе.

В этом малопригодном для творчества месте журналист продолжал писать свои кровавые манифесты. Причем они стали совершенно параноидальными. Оскорбившись на обыск, произведенный в типографии, он начал призывать толпу убивать солдат национальной гвардии, а женщинам приказывал превратить Лафайета в Абеяра, то есть поймать и всего-навсего оскотить. Понятно, почему после этого прославленный генерал, бывший очень не чужд подвигов галантных, так разъярился и бросил по следу Марата полицию.

Целую неделю скрывался «друг народа» по чердакам, подвалам, монастырским кельям. И везде писал свои статьи. Но вот наконец некий рабочий его типографии по фамилии Эврар,

помешанный на пылких кровопролитных статьях Марата, нашел для него убежище и сообщил, что его невестка Симона, работница игольной фабрики, готова спрятать у себя «друга народа» и более того – почтет это за честь.

Быть на нелегальном положении Марату порядком осточертело, экзема измучила его, срочно требовалась теплая ванна. Он охотно согласился отправиться к Симоне Эврар. Ги Бретон так описывает эту встречу.

«В декабре 1790 года человек лет сорока с жабым лицом, желтыми запавшими глазами, приплюснутым носом и жестоким ртом украдкой вошел в дом № 243 по улице Сент-Оноре, поднялся на второй этаж и постучал, постаравшись принять учтивый вид.

Дверь открылась, и на пороге показалась хорошенькая брюнетка лет двадцати шести. Ее серые глаза смягчились при виде стоявшего на площадке чудовища.

– Входите же быстрее, – сказала она.

Человек вошел в маленькую квартирку, и она немедленно вся пропиталась его жутким запахом...

Именно так Марат, издатель «Друга народа», познакомился с молодой гражданкой Симонной Эврар, которая с первого взгляда влюбилась в него.

Этот рот, требовавший крови, эти глаза, блестящие при виде фонаря, этот лоб, за которым рождались планы убийств, эти руки, как будто душившие кого-то все время, – все это ужасно возбуждало девушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.